

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДИКТАТУРЫ «НИЧЕВОЧЕСТВА» В СБОРНИКЕ МАНИФЕСТОВ «СОБАЧИЙ ЯЩИК» (1922)

© 2020 г. А.Н. Красовец

Канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

aleksandrakrasovec@yahoo.com

В статье рассматривается деятельность группы «ничевоки» (1920–1923) и их сборник манифестов «Ничевоки. Собачий ящик, или Труды творческого бюро ничевоков в течение 1920–1921 гг. Вып. 1» (1922), где в форме декретов и приказов пародируются общественно-политические, публицистические тексты, а также бюрократический характер отношений государственного режима с искусством; поэты демонстрируют узурпацию у государства контроля над творческой деятельностью и декларируют диктатуру ничевочества. Скрывающиеся за всем этим категории воля и принуждение вписываются в нацеленность авангарда на разрушение существующего канона и построение новой культурной парадигмы.

The article treats the activities of the group «Nichevoki» (1920–1923) and their collection of manifestos «Nichevoki. Dog's box, or the Work of the artistic bureau of nichevoki during 1920–1921». Issue 1 (1922), where social, political and journalist text, or bureaucratic character of relations between the state and arts are mocked in a form of decrees and orders. The poets demonstrate the usurpation of control over creative activities from the state and declare the dictatorship of «Nichevokiness». The categories of freedom and coercion hidden behind correlate with the avant-garde's fixation on destruction of the existing canon and building of a new cultural paradigm.

Ключевые слова: русский поэтический авангард, ничевоки, манифесты авангарда, категории воля и принуждение.

Keywords: Russian poetic avant-garde, Nichevoki, avant-garde manifestos, categories of freedom and coercion.

DOI: 10.31857/S0869544X0008115-9

Категории воля и принуждение получают особое преломление в культуре авангарда с присущими ей мотивами революции и бунта против сложившихся традиций и стереотипов в искусстве и обществе. В манифестах небольшой поэтической группы начала 1920-х годов под названием «ничевоки» (1920–1923) пара воля–принуждение получает свое интригующее воплощение. В августе 1920 г. группа заявляет о своем существовании в рамках отделения Всероссийского союза поэтов в Ростове-на-Дону. В нее входят Рюрик Рок (1898–1930?), Сусанна Мар (1900–1965), Олег Эрберг (1898–1956), Борис

Земенков (1902–1963), Лазарь Сухаребский (1899–?), Аэций Ранов, Елена Николаева, Сергей Садиков (?–1922), Девис Уманский и Мовсес Агабабов. Молодые поэты видят себя во главе борьбы за новое искусство, в подражание другим левым движениям они отрицают все непосредственно им предшествующее. В «Манифесте от ничевоков» они смело сообщают о смерти поэзии [1. С. 2–3], а в «Декрете о ничевоках поэзии» провозглашают своей целью «истончение поэтпроизведения во имя Ничего» [2. С. 8]. Справедливо выделив деструктивную составляющую авангардного искусства, «ничевоки» решили сделать ее основным принципом своей творческой программы.

Летом 1921 г. они переезжают в Москву, в их хронологии мы читаем: «За 1921 год сделано более 30-ти выступлений и вечеров. Их задания: ознакомление с идеей ничевочества и агитация по дискредитированию искусства» [3. С. 3]. В марте 1922 г. видит свет сборник манифестов «Ничевоки. Собачий ящик, или Труды творческого бюро ничевоков в течение 1920–1921 гг. Вып. 1», ставший главным изданием группы. Это уникальное издание носит открыто пародийный характер: пародируются общественно-политические, публицистические тексты, а также бюрократический характер отношений государственного режима с искусством. Ничевоки демонстрируют узурпацию у государства контроля над творческой деятельностью, декларируя диктатуру ничевочества. В сборник входят такие тексты, как «Приказ по организационной части», «Игра природы, или Дончека на страже интересов ничевочества», «Декрет о ничевоках поэзии», «Декрет о живописи», «Декрет об отделении искусства от государства», «Воззвание к Дадаистам» и др.

«Собачий ящик», согласно Введению, «сфабрикован для целей разложения и деморализации изящной словесности» [2. С. 5]. С первых строк мы сталкиваемся с лексикой агрессивного характера, заимствованной из канцелярских текстов эпохи, отражающих воинственную атмосферу послереволюционных лет. Парадокс основного лозунга группы — «диктатура ничевочества» выступает как крайне симптоматичный для авангардного эксперимента, вписывается в его парадигму воли и говорит об отношениях художника авангарда с властью, о его стремлении завладеть ее полномочиями. В «Приказе по организационной части» мы читаем: «Положение о Творческом Бюро разрабатывается им же самим на основании волевого революционного акта захвата жизненного организма искусства Ничевоками» [2. С. 6]. Однако, как далее выясняется в «Декрете о ничевоках поэзии», их творческая программа не состоит лишь в отрицании, в частности традиционного эстетствующего искусства, ценными для них оказываются индивидуальная сущность и «внутренний смысл вещей»: «Пора принудительно очистить поэзию от традиционного и кустарно-поэтического навозного элемента жизни во имя коллективизации объема тварности мирового начала и Личины Ничего» [2. С. 7–8]. Здесь мы находим философскую подоплеку понятия «ничего», так называемую тварность мирового начала — это то незаполненное пространство, та бесформенность, из которого рождается абсолютная субъективность, уход от любых устоявшихся значений. Ничевоки пытаются произвести акт обнуления всех смыслов и форм старой парадигмы, здесь они следуют деструктивной линии культуры раннего авангарда, провозглашающей конец искусства, экспериментирующей с разрушением формы, что в определенный момент приводит к ее исчерпанию в виде белого листа, молчания, сводит произведение искусства до жеста («Поэма конца» Василиска Гнедова), до цвета и геометрической фигуры («Черный квадрат» К. Малевича). Ничевоки стали отражением того переломного этапа, когда авангард от деструкции переходит к следующей конструктивной стадии созидания на

базе новой парадигмы. Так, с одной стороны, ничевоки начинают заигрывать с конструктивизмом (в августе 1922 г. ими объявляется тезис «перенесения искусства в общежитие» [3. С. 3]), а с другой — их путь ведет к Обериутам и абсурдизму, как это произошло с их западным аналогом — дадаизмом, повлиявшим на возникновение сюрреализма.

Упомянем также «Декрет об отделении искусства от государства», в котором ничевоки выдвигали свое творческое бюро в качестве аппарата по руководству искусством. В одном из пунктов заявляется: «В порядке планомерного развития сего постановления объявляется несостоятельность государства в вопросах руководства заготовками, учета, распределения и контроля над производством искусства» [2. С. 11]. Манифест только игра в оппозиционность: политотдел Госиздата сперва запретил издание «Собачьего ящика», но 4 февраля 1922 г. главный секретарь Творничбюро С. Садиков адресует редакторской комиссии просьбу пересмотреть свое решение «ввиду того, что книга не преследует никаких политических целей, а исключительно посвящена вопросам искусства» [4. С. 344–345]; 23 февраля запрет снят.

Помимо безусловной комичности всех претензий группы, следует признать, что ничевокам удалось через призму нового социально-политического стиля речи и образа мышления предугадать будущие отношения тоталитарной государственной власти с деятелями искусства, в 1930-е годы этот монотонный язык уже становится нормой; манифесты группы — пример работы идеологии и захватывания ею своих субъектов.

В «Воззвании к дадаистам» проявляются отношения ничевоков с западными течениями: «Говорим: “нет ничего в искусстве”. Лишь исповедуем чернильную программу словесного террора» [2. С. 13]. Метод «рефлектированного отрицания», борьба с надежными, устоявшимися ценностями, нацеленная на разоблачение ложного смысла, любой веры в общие понятия и тотализацию сближает дадаистов с ничевоками. Немецкий философ Петер Слотердайк выделяет Дада как первый неокинизм XX в., чья атака направлена на все, что принимает себя «всерьез», идет ли речь о культуре и искусстве, или же о политике и обществе: «Дада по сути своей не течение в искусстве и не течение в антиискусстве, а радикальная “философская акция”. Он развивает искусство воинствующей иронии» [5. С. 586], дадаисты, по его мнению, «работают уборщиками мусора в пришедшей в упадок европейской идейной надстройке» [5. С. 594–595]. Ничевоки в чем-то здесь сближаются с методом дадаистов, но в отличие от последних их протестный потенциал выражается в формах традиционной культуры (манифесты, декларации, выступления, поэтические сборники). Выходки и скандалы оставили о них не самую лестную славу, современники отзывались о ничевоках с иронией, а порой и с непрекрытым презрением, все это — отражение атмосферы первых послереволюционных лет и гражданской войны, когда борьба поэтических группировок и стремление к доминированию решались во время «чисток» поэзии. Хулиганствующая манера поведения заслоняла выдвинутые группой идеалы благородного бродяжничества, со свойственными им антиматериализмом и идеализмом, идеи индивидуальной независимости, свободы творчества от государственной идеологии. Ничевокам свойственна веселость, их орудиями являются ирония, розыгрыш, блеф, смех — формы символической деструкции, веселый характер бессмысленности, скрывающиеся за всем этим категории воли и принуждения вписываются в авангардную парадигму разрушения канона и свершения революции в искусстве, нацеленной на жизнь всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Агабабов М., Ранов А., Сухаребский Л.* Манифест от ничевоков // От ничевоков чтение Вам. М., 1920.
2. В Собачий ящик введение; Приказ по организационной части; *Мар С., Николаева Е., Ранов А., Рок Р., Эрберг О.* Декрет о ничевоках поэзии; *Земенков Б., Николаева Е., Ранов А., Рок Р., Эрберг О., Садиков С.* Декрет об отделении Искусства от Государства; Воззвание к Дадаистам // Собачий ящик, или Труды творческого бюро ничевоков в течение 1920–1921 гг. М., 1922. Вып. I.
3. Ничевоки // Эрмитаж. № 15. М., 1922.
4. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922.
5. *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург; М., 2009.